

Плей-лист

Keep You On My Side – CHVRCHES

Forever – CHVRCHES

Neo-Tokyo – Scandroid

Mirror – Fhe

Fly for Your Life – GUNSHIP

Love Me More – Mitski

Cheerleader Effect – Carpenter Brut, Kristoffer Rygg

Playing Dead – CHVRCHES

Homeless – Marina Kaye

The Loneliest – Måneskin

ПРОЛОГ

«Наше издательство ознакомилось с вашей рукописью. Мы хотим взять книгу в работу. Ангелина, вы готовы к сотрудничеству?»

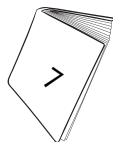
Счастье взрывается внутри фейерверком и высвобождается радостным воплем. Стул с грохотом падает на пол, когда я вскакиваю из-за стола и прыгаю, едва не сбивая макушкой люстру. По забыв о противном соседе снизу, который заставляет всю нашу семью ходить на цыпочках, скачу с довольным писком, пока дверь в комнату вдруг не распаивается.

— Ангелина?! Что случилось?

Кажется, папа побелел от удивления, но все дело в муке. Ею он перепачкан так, что даже фартук с розовыми мишками не спасает. Бросаю его обнимать, не обращая внимания ни на муку, ни на взгляд, что в мгновение ока вдруг становится строгим и серьезным, ни на скалку, которой папа наверняка хотел бы меня легонько стукнуть, чтобы успокоилась.

— Чего топаешь? Хочешь, чтобы Игнат Олегович опять ругаться пришел?

Мотаю головой с широченной улыбкой. Папа смотрит на меня со смесью недоумения и ужаса.



«Может, бешенство?» — читаю в его ясных голубых глазах и смеюсь этим мыслям.

— Мне ответило издательство! — Не могу удержаться и снова начинаю подпрыгивать от восторга. — Они издадут мою книгу!

Теперь уже папа, как ребенок, скачет вместе со мной. На шум из кухни выходит мама, но и она очень скоро присоединяется к нашей радости. И только Паша, мой шестилетний брат, неодобрительно цокает языком:

— Расшумелись. Вот Игнат Олегович сейчас придет и как...

— Потерпит! — Мама ловит Пашку за руку и притягивает к нам.

В этот момент, окруженная родными и их теплом, я верю, что меня и мою книгу ждет светлое, полное счастливых моментов литературное завтра.

Но если бы я умела заглядывать в будущее, то письмо от издательства так бы и осталось без ответа.



ГЛАВА 1

Июль

Мари приходит спустя час после моего звонка. Подруга появляется на пороге квартиры в привычно ярком наряде: неоновый розовый топ, широкие небесно-голубые штаны на резинке и массивные кроссовки на подошве цвета клубничного зефира. Над зелеными глазами — лазурные стрелки со стразами у кончиков, настолько ровные, что даже зеркальное отражение не может быть таким идеальным.

— Ты со свидания, что ли, сбежала? — вместо приветствия выдаю я, а Мари мгновенно парирует:

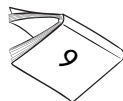
— А у тебя лицевой нерв защемило? Поэтому так улыбаешься?

Она щиплет меня за щеки, а я вместо того, чтобы, как обычно, увернуться от пытки, смеюсь.

— Нет, — с наигранным ужасом выдыхает Мари, — тут не в нерве дело... Ты что, напилась... — Она понижает голос до шепота и добавляет: — Без меня?!

— Марина, здравствуй! — с кухни кричит мама, а секунду спустя из зала ей вторит папа.

Мгновением позже я замечаю, что из своей комнаты в коридор любопытный нос высунул



Пашка. Наверняка услышав *всю* беседу, мелкий осуждающе качает головой.

— Щас как щелкну! — показываю ему готовую к щелбану руку, и брат моментально испаряется.

Совсем скоро он вырастет, и уже я буду бояться его щелбанов. Но пока...

— Всем привет! — кричит Мари, сбрасывая кроссовки, которые прибавляли ей добрых пять сантиметров роста. — А я тут тортик принесла!

Паша снова приоткрывает дверь и подсматривает за нами уже с интересом и предвкушением. Точнее, за коробкой в руках Мари, перевязанной золотой лентой. Можно подумать, брата дома не кормят!..

— Зачем потратилась? — киваю я на десерт, пока мы обе идем по длинному коридору на кухню.

— Это ты мне скажи, что за повод, — пожимает плечами Мари. — Не я же с криком «Срочно приходи!» позвонила подруге прямо в разгар занятия по вождению.

— Упс... Того самого занятия?

— Ага.

То, что Мари сохнет по своему препода по вождению, я знала. И то, что занятия с ним бывают всего раз в неделю, тоже помнила... Но почему-то забыла, что один из этих знаменательных дней как раз сегодня.

Черт.

— Да ладно, — отмахивается Мари. — У тебя ведь что-то важное случилось. Так ведь?

Она бросает на меня такой взгляд из-под темной челки, что неподготовленного человека удар бы дернул. «Молись, чтобы это было действительно что-то стоящее», — говорят зеленые кошачьи



глаза. К счастью, я знаю, что моя новость уж точно ничем не хуже занятия-тире-свидания с молодым и красивым преподавателем.

Мы оставляем торт на кухне, где мама немного щебечет с Мари. Стандартный набор вопросов для вчерашних школьников: «Уже подала документы в университет? А в какой? А в другие планируешь отправлять?»

Только в нашем с Мари случае все очевидно и без вариантов: мы обе подали документы в один вуз, в институт клинической психологии.

— Ладно, мам, мы пойдем? — Я беру Мари за руку и тяну в сторону своей комнаты. — Нам нужно последние новости обсудить.

— Конечно-конечно. — Мама тотчас отворачивается к плите, на которой что-то уютно бурлит. — Я чуть позже вам тортик тогда занесу!

Едва за нашими спинами закрывается дверь в мою комнату, Мари не выдерживает. Она кидает плотно набитый рюкзак на кровать, застеленную пушистым кофейным пледом, а сама впивается в мои плечи остро заточенными ногтями. Таки-ми длинными, что если я рискну испытывать терпение подруги, то она вонзится ими в плоть до самых костей.

— Все, кончай тянуть уже. Колись, Геля. Что случилось?

Изображаю пальцами барабанную дробь, а затем торжественно объявляю:

— Мой «Магический дебют» издадут! В бумаге! Та-да-а!

Челюсть Мари отвисает настолько, что сережка в ее языке начинает поблескивать в свете нового светильника в форме сердца.



— Офигеть.

Сказав это, она падает на мою кровать, широко раскинув руки. Смеясь, я ложусь рядом. На бок, чтобы видеть удивленное, но довольное лицо подруги.

— А что за издательство?

— «Знак», — гордо делюсь я, прекрасно зная, что оно входит в тройку крупнейших. Не первое, конечно, но для дебютной книги это...

— Офигеть, — выдыхает за нас обеих Мари. — Слушай, тортик на такое событие — это как-то слабо.

Мари притягивает за ляжку голографический рюкзак, увешанный пушистыми помпонами. Изнутри показывается вытянутое горлышко, и я резко подсакиваю на кровати:

— Убери! Родители же дома!

— Гель, нам уже по восемнадцать...

— Кхем-кхем.

— Ла-адно! Тебе восемнадцать, а мне немного меньше... Но все окей! По глотку выпьем, чтобы отметить. Нестрашно.

— Зачем ты вообще шампанское с собой притащила?!

— На случай, если твоя новость вдруг окажется полной катастрофой. — Недолго подумав, Мари добавляет: — Или триумфом. Ну? Будешь?

— Оно ж бахнет, когда открывать будем. Улышат.

Мари приподнимает левую бровь и склоняет голову набок. О, этот взгляд я хорошо выучила за годы нашей школьной дружбы! «Смотри и учись» — вот что он значит.

Подруга садится за стол, что-то быстро выстукивает на клавиатуре, а через пару щелчков мыш-



ки из колонок на всю начинает играть какая-то старая песня. Пока солист тянет «Я тебя поздравляю», Мари с грацией царицы открывает шампанское.

Бутылку приходится в тот же миг спрятать за штору у балкона, потому что дверь в комнату открывается.

— Девочки, это что, Игорь Николаев? — спрашивает папа, не веря своим ушам.

— Это праздничная подборка, — перекрикивает музыку Мари, а я едва сдерживаю смех. Знал бы папа, что у нас тут самое праздничное стоит за бежевой шторой с люрексовыми звездами...

— Не знал, что молодежь сейчас такое слушает. — Папа чешет светловолосый затылок, а потом просит: — И лучше сделайте музыку потише.

— А то Игнат Олегович снизу придет? — догадываюсь я, но папа качает головой и пальцем указывает в сторону кухни.

— Твоя мама. Вы ее тогда отсюда ни за что не выставите.

— Аргумент. — Мари послушно убавляет громкость.

Папа показывает нам большие пальцы вверх и уходит, закрыв за собой дверь.

Мы смеемся и по очереди отпиваем шампанское прямо из горла. Воздушные пузырьки щекочут горло и моментально ударяют в голову, которая быстро начинает кружиться. Да уж. Пить я совсем не умею, это мы еще на выпускном выяснили.

— Еще? — Мари кивает на шампанское, но я мотаю головой. Подруга понятиливо кивает, закупоривает бутылку и прячет ее в рюкзак. Затем



перебирается ко мне на кровать и серьезно выдает: — Гель, ты серьезно книгу «Магический дебют» назвала?

Недоуменно моргаю, не понимая, что не так.

— Господи... — Мари ударяет ладонью по лбу, откидывается на подушку и драматично вздыхает. — Лучше бы оставила без названия...

— Как ты себе это представляешь? Встречайте! «История без названия»! От создателей «Новая папка один» и легендарного сиквела «Новая папка два»! — объявляю я голосом циркового ведущего.

— Моя подруга клоун, — морщится Мари. — Еще скажи, что издаваться будешь под своим настоящим именем.

— А что такого? Ангелина Кольцова — звучит нормально.

Щеки облизывает жаром, и я не могу понять — то ли от внезапного стыда, то ли это такая странная реакция на микродозу алкоголя. Тишину между нами заполняет тихо играющая музыка. Мари смотрит на меня, даже не моргая, будто в душу заглядывает.

— Жесть. Не зря говорят, что написать книгу и издать ее — это два совершенно разных пути.

— К чему ты клонишь, Зябликова?

— К тому, что в интернете сидеть чаще надо. Ты ведь совсем не понимаешь, в какую среду сейчас попадешь!

Мама Мари — маркетолог, и порой мне кажется, что подруга часть знаний из этой сферы впитала с молоком. В конце одиннадцатого класса Мари продала наши конспекты, устроив целый аукцион среди десятиклассников. Тетрадки чуть с руками не оторвали. А ведь мы далеко не отличницы!



— Как это не понимаю? — возмущаюсь я, расправив плечи и перекинув светлые волосы через плечо. — Я много читаю, слежу за новинками...

— Тогда повышай уровень. Начинай следить не за новинками, а за реакцией на них.

— Ага, — фыркаю я возмущенно. — А когда учиться? Когда писать новую рукопись?

— Побеждает не сильнейший, а тот, кто умеет приспособливаться. — Мари уже водит пальцем по экрану смартфона. Блики от сменяющихся картинок танцуют в ее глазах, пока подруга что-то усердно ищет.

Спустя пару минут Мари поворачивает телефон ко мне экраном:

— Вот, смотри.

— Топ-10 продаваемых книг июля. И что?

— Смотри внимательнее.

Взгляд прыгает от одной обложки к другой. Пытаюсь найти среди них что-то общее, но ничего не выходит. Однотонные простенькие обложки соседствуют с яркими иллюстрациями. Никакой связи.

— Посмотри на авторов. Что думаешь?

— Что все имена зарубежные. Ничего удивительного. И что дальше-то?

Мари, не отворачивая экран, проводит пальцем так, чтобы стала видна первая часть заголовка: «Русская литература». У меня чуть челюсть на пол не падает.

— Теперь поняла? — довольно ухмыляется Мари. — Ангелине Кольцовой среди *таких* имен житья будет не особо легко. А вот, например, Лине Ринг...

Лина — это еще одно сокращение от моего полного имени, хотя близкие обычно зовут ласковым



Геля. А Ринг, очевидно, — перевод от сокращенной фамилии.

Самодовольное выражение лица Мари не испаряется, и я понимаю, что этот раунд с треском провалила. Нужно признать, что псевдоним она придумала неплохой. Но я не спешу.

— Ты что, готовилась к этому разговору?

Зеленые глаза подруги хитро блестят, когда она гордо вскидывает подбородок. Даже стразы на лазурных стрелках начинают сверкать ярче.

— В отличие от тебя я верила, что твою книгу примут, и заранее решила прощупать почву. Как видишь, не зря, *Лина*. Или все же Ангелина, м? — Она с кошачьим изяществом подпирает подбородок кистью.

Я улыбаюсь и качаю головой, задумчиво смотря на цветные огоньки, что в такт музыке пляшут вокруг динамиков колонок.

— Твоя взяла. Буду Лина Ринг! Но название...

— О, а это еще одна тема для нашей беседы!

— Ну уж нет!

— Да! Геля, да! Я подготовилась, вот смотри!

Она пододвигается ко мне и приобнимает за плечи, чтобы не сбежала. Подруга открывает галерею, в которой прямо сверху закреплена папка с красноречивым названием «Обложки». Дата последнего обновления — вчерашний день. Выходит, пока я нервно кусала ногти в ожидании ответа, Мари времени даром не теряла.

— Тебе совсем нечем заняться после сданных экзаменов? — Аккуратно толкаю подругу плечом, но смутить ее не удается.

— А что мне еще в свободное время делать? Не о поступлении же переживать!



Ауч. Прямо в яблочко!

После того как подала документы в вуз, на одну головную боль стало больше. Раньше я гипнотизировала взглядом только почту, надеясь увидеть заветное электронное письмо от редактора, а теперь еще и сайт деканата. Знаю, что списки поступивших выставят лишь под конец августа, но все равно обновляю страничку по несколько раз в день. Это уже как ритуал на удачу. И раз с издательством такая штука сработала, может, и с поступлением повезет?

— Короче. Смотри и вдохновляйся, — советует Мари, — названиями, обложками... Псевдонимами.

Я вновь пихаю ее в плечо. На этот раз чуточку сильнее, за что Мари показывает мне язык.

— Да поняла я уже! Лина Ринг. Никаких Ангелин Кольцовых! — отчитываюсь я голосом провинившейся ученицы. — Только зачем? Что за мода на иностранные псевдонимы?

С искренним интересом смотрю на Мари и жду ответа от своего всезнающего Зяблика, но та лишь разводит руками. Вот это поворот! Я-то думала, она весь книжный мир прошерстила и посвятит меня в его подноготную. Не тут-то было. Грести придется самой.

— Чего так смотришь? Я не особо углублялась в тему. Я так...

— Верхушек похватила, — говорим мы в унисон, пародируя нашу уже бывшую классную руководительницу.

Ольга Олеговна вела у нас русский язык и литературу. Ее уроки я очень любила и к заданиям всегда подходила с полной отдачей, за что учительница меня неизменно хвалила. Ей нравились мои сочинения. Наверное, именно благодаря похва-



лам Ольги Олеговны еще в средней школе я поверила в себя и в свою мечту.

Следующие полчаса мы листаем большую папку в телефоне Мари, изучая развороты обложек. Любуемся, читаем аннотации и коротенькие отзывы под ними.

— «После этой истории вы научитесь мечтать», — читаю вслух сам отзыв, а затем имя его автора: — Книжная царица девять один. Блогер.

— «Книга, перевернувшая мою жизнь», — зачитывает отзыв с другой обложки Мари. — Литературный гид. Блогер.

Мы изучаем еще несколько таких блёрбов, иногда смеемся над странными никами и спрашиваем друг друга: «Это кто?» Ответ всегда звучит одинаково — мы понятия не имеем, однако в конце концов Мари вздыхает:

— Знаешь, у тебя на книге должна быть такая же штука. Круто, когда кто-то, к чьему мнению прислушиваются, рекламирует тебя прямо с обложки.

Мой телефон крикает, оповещая об уведомлении. Заглядываю в загоревшийся экран и шумно вздыхаю. Что же, это не тот вопрос, который ожидала получить от издательства в первый же день сотрудничества...

— И что мне на это ответить? — Я показываю письмо от редактора подруге.

Взгляд Мари бежит по строчкам, и чем дальше она читает, тем ниже опускаются ее брови.

— Так, тут про то, что ты согласна сотрудничать... И про документы для договора хоть и нудно, но понятно...

— Последнюю строчку читай.



Мари делает это вслух:

— Ангелина, скажите, как вы планируете продвигать свою книгу?

У меня внутри что-то обрывается, будто я уже не оправдала ожиданий: издательства и свои.

Почему-то я всегда была уверена, что написать книгу и хорошо отредактировать ее — единственная обязанность автора. Попав к издателю, история становится его ответственностью, а писатель лишь контролирует процесс, иногда дает направляющие комментарии.

Короче говоря, в мечтах я наблюдала, как мой роман становится бестселлером, со стороны. Желательно со стороны какого-нибудь балкончика дорогого отеля во Франции, номер в котором сниму в честь первого гонорара.

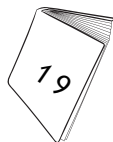
Я почти ощущала запах французской выпечки, которой буду наслаждаться каждое утро своего писательского отпуска... Только вот это сообщение от редактора буквально швыряет меня с верхушки Эйфелевой башни прямо об ухабистый, чисто русский асфальт.

— И что мне им ответить? — Я обреченно вздыхаю. Подхожу к компу и вырубая музыку, которая больше не поднимает настроение, а только мешает думать.

Еще и шампанского глотнула... Голова кругом от него! Или от внезапного вопроса, который свалился как снег — нет, кирпич — на голову?

— Я ведь даже онлайн книги никогда не выставяла — берегла для издательства!

— А я говорила, что это ты зря... Так бы хоть немного влиться в книжную тусовку успела, — между делом бурчит Мари.



— И что мне им написать? — Я начинаю вышагивать вдоль комнаты, судорожно генерируя идеи. — Закажу билборд? Куплю рекламу по телику? Нет, дорого. По радио!

Мари лишь качает головой, глядя на меня сквозь пальцы прижатой к лицу ладони. Не обращаю на нее внимания. Нет чтобы помочь, она только соль на рану сыплет!

— Может, в интернете таргет взять? Или самой в пабликах просить посты разместить?

— О, это уже лучше! — щелкает пальцами подруга.

Будь мы в мультике, по законам жанра над нашими головами сейчас бы зажглись лампочки, точно крича: «Идея!»

Мы одновременно смотрим на телефон Мари, который все еще валяется на кровати, а затем в унисон выкрикиваем:

— Блогеры!



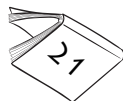
ГЛАВА 2

— Девочки, хоть бы на улицу сходили, — вздыхает мама и ставит на стол перед компьютером две тарелки с кусочками шоколадного торта. — Такая погода хорошая! Лето! А вы в телефоны уткнулись!

— Спасибо, мам!

— Спасибо, тетя Лен!

Мама тяжело вздыхает и, качая головой, выходит из комнаты, которая за последнюю пару часов превратилась в шпионскую базу. Мы с Мари создали аккаунты в нескольких соцсетях и теперь без разбору подписываемся на всех, кого удастся найти по окологкижным хэштегам.



Потом вбиваем в поиск имена блогеров, которых находим под отзывами на разворотах обложек. Цифры подписчиков возле ников заставляют глаза расширяться от удивления, а червячка сомнений в моем сознании жалобно пищать: «Они слишком популярны. До начинающего безызвестного автора им не будет дела!»

В один из таких моментов мой палец зависает над кнопкой «подписаться». Я медлю, все еще не до конца понимая, во что должна ввязаться ради продвижения. Где взять деньги на книги, которые

надо высылать блогерам? Как найти смелость написать незнакомому человеку, чтобы предложить прочитать — о, боги — свою книгу?

А вдруг я недостаточно хороша для этих людей, которые прочитали книг больше, чем я держала в руках за всю жизнь? Вдруг моя история вторична и предсказуема?

— Чего зависла? — Мари вместо меня нажимает на нужную кнопку, делая меня одной из тысяч подписчиц какой-то девушки.

С аватарки улыбается шатенка со стопкой книг на голове. Она кажется дружелюбной, но от мысли, что совсем скоро мне придется ей написать, по коже ползут мурашки.

— Мари. — Сглотнув неприятный ком в горле, я поворачиваюсь к подруге. — Ты ведь читала «Магический дебют»?

Она морщится, абсолютно не переваривая выбранное мной название. Еще чуть-чуть, и из ее ушей повалит пар от закипающего внутри негодования.

— Читала. Но это название... Кошмар, Гель. Пока не так поздно, одумайся, умоляю!

— Я не о названии сейчас...

Голос дрожит, ладони потеют.

Когда я рассылала книгу по издательствам, то хотела лишь быть услышанной. Мечтала, что читатели увидят в моей героине, Александре, себя, найдут меж страниц ответы на терзающие вопросы и станут смелее сражаться за избранный путь.

«Магический дебют» — не просто фэнтези с наивной любовной линией. Это история о борьбе за мечту. В каком-то смысле... это огромная



метафора моей маленькой, но важной писательской жизни, в которой есть все: взлеты и падения, разочарования и надежда, попытки стать лучше самой себя и пробить путь в светлое будущее. И когда я узнала, что мой роман издадут в бумажке, то, как и моя Александра, поверила — мне все по силам!

Но время эйфории, когда я только получила положительный ответ от издательства, прошло. Теперь же чувствую себя так, будто взвалила на плечи неподъемный мешок с бетонными плитами.

Как читатели смогут вдохновиться историей Александры, если «Дебют» затеряется среди сотен новинок? Вскоре после выхода он и вовсе потонет в тоннах другой литературы.

Даже если история безумно хороша, она с легкостью канет в Лету, если о ней не будут говорить.

— Гель? Ты чего?

Мотаю головой, совершенно не представляя, как пояснить подруге свои чувства. Свое внезапно нахлынувшее разочарование.

Со стороны я, наверное, выгляжу совсем странно. Не каждому выпадает шанс в восемнадцать лет издать книгу, а я, вместо того чтобы радоваться, закапываюсь в уныние.

Но у меня есть причины.

— Просто вдруг поняла, что текст без рекламы почти ничего не весит. Когда тебя с порога в лоб спрашивают, какой танец с бубном будешь танцевать вокруг рукописи, — это не очень хороший знак.

Мари задумчиво пожимает плечами:

— А на что ты рассчитывала? Мама всегда говорит, что реклама — двигатель торговли.



— Книги — это искусство, а не торговля.

— Книги — может быть. Но книгоиздание — это совсем другое.

Гляжу на кусочек торта, который ждет на столике, но от мысли о сладости десерта накатывает тошнота. Хотя это скорее из-за тревоги.

— Книгоиздание — это бизнес, — продолжает Мари, ничуть не замечая, что ее слова — как гвозди в крышку гроба моего спокойствия. — Судя по тому, что тебе написала редактор, от автора ждут умения не только писать, но и продвигать свою книгу. Никто не говорит, что в «Знаке» нет своих менеджеров и пиар-отдела, но ты тоже должна приложить усилия. Возможно, доказать, что заслуживаешь помощи в продвижении от издательства.

— Класс, — невесело ухмыляюсь я. — Может, мне тогда лучше сразу отказаться от всего этого?

Мари выключает телефон и пересаживается с кровати за стол, вынуждая смотреть не на торт, а ей в глаза.

— Эй, Гель? Ты чего приуныла? Мы же столько всего уже сделали! Столько блогеров нашли! Сейчас выберем тех, кому твой роман наверняка понравится. И...

— А тебе? — перебиваю я. — Тебе «Магический дебют» понравился?

Мари сдувает с лица темную прядку, выбившуюся из челки, и наклоняется над столом, будто готовясь боднуть меня прямо в лоб.

— В твоём «Дебюте» мне нравится абсолютное все! — Она ударяет ладонями по столу, точно адвокат, который слишком яростно борется за правду. Затем ее пыл немного утихает, и Мари



уже тише произносит: — Все. Кроме идиотского названия!

Мой внезапный смех удивляет даже меня. Заливаюсь хохотом, а сама таю от внутреннего тепла. Я знаю Мари с начальной школы, а потому уверена — подруга не стала бы врать. И плевать, что искусственным читателем Зябликову не назовешь. Ее любовь и вера — топливо сами по себе.

Но ни любовь, ни вера не обратятся в круглую сумму на моей карточке. А без нее, увы, даже представить не могу, как буду продвигаться. Реклама — всегда дорогое удовольствие. И вряд ли в книжном бизнесе это иначе.

Просить деньги у родных — не вариант. Мама — медсестра, а папа — завхоз в музыкальной школе. Их заработка нашей семье на жизнь хватает, но у меня никогда не было дорогой одежды или телефонов последних моделей, а у Паши — новомодных игрушек. Все яркие штучки в моей комнате — подарки от Мари: колонки, неоновый светильник, лава-лампа... Сама бы я себе такое не смогла купить. А в этом году еще и Пашка в школу идет, а я — в универ.

Не до продвижения.

Но выливать все это на Мари не хочется. Она так старается взбодрить и поддержать меня, что продолжать кукситься — просто жестоко.

— Ну, что там по блогерам? — Я натягиваю улыбку, и глаза Мари загораются счастливым блеском.

Мы повышаем ставки и начинаем переходить на отмеченные аккаунты и отслеживать, откуда сделаны репосты. Так в наши сети попадает еще больше блогеров.



— Мало того что дома тухнете, так еще и торт не едите! — всплескивает руками мама, когда без стука заходит в комнату. — Даже чай уже остыл!

Она неодобрительно качает головой, глядя, как мы с Мари бок о бок валяемся на моей кровати, обе с телефонами в руках. Даже понимаю негодование родительницы: Мари так красиво нарядилась, накрасилась... И вся эта прелесть пропадает в четырех стенах.

— Вот провороните сейчас торт, его ж Пашка съест! — причитает мама. И будто в подтверждение ее словам из-за приоткрытой двери выглядывает младший брат.

Рот перемазан шоколадом, но в глазах — голодный блеск.

— Кыш, — произношу одними губами, и мелкий обиженно показывает язык.

— Сходили бы куда-нибудь, отметили хорошие новости! Вот я в ваши годы на месте никогда не сидела, — вздыхает мама.

— А мы тоже своего рода путешественники, — хитро улыбается Мари, подписываясь на очередного книголюба. — Гуляем по аккаунтам...

Подруга светится довольством, пока я тихо радуюсь, что мама ее шутки не услышала. Не хочу, чтобы начались расспросы, а новость об издании и для родных превратилась в дорогостоящую проблему. Денег выпрашивать не собираюсь. Разберусь сама как-нибудь, куда деваться?

Еще немного поворчав и подлив в остывший чай кипятка, мама уходит. Вскоре наше с Мари занятие превращается в монотонную работу. Список подписок растет, а во мне зарождается слабая надежда. Может, все не так уж и плохо? Выберу не-



сколько человек, напишу им скрепя сердце, вышло книги. Ничего такого, верно?

Но вдруг Мари шумно охает, заставляя меня вздрогнуть.

— Что там? — Я пытаюсь заглянуть в ее экран, но подруга прижимает смартфон к груди и какое-то время просто молчит. Она будто пытается сложить в голове пазл, прежде чем поделиться со мной новостью:

— Там либо величайшее в мире совпадение, либо где-то во вселенной существует еще один точно такой же двор.

— Какой двор?

Мари в упор смотрит на меня.

— Твой, Геля, — говорит она, а потом показывает мне экран.

В очередном блоге — новый пост с фоткой книги на фоне окна. Ничего такого. Подобных фотографий мы сегодня видели столько, что кажется, будто их поставили на повтор. Но несколько деталей бросаются в глаза и заставляют сердце забиться чаще, разгоняя закипающую кровь по онемевшему телу.

Из окна виден летний дворик с детской площадкой и лавочками вокруг нее. И я точно знаю, что это не «какой-то дворик», а именно мой.

Окна и балкон моей комнаты выходят на эту площадку, я знаю ее с детства. Ни с чем не спутаю старый бревенчатый домик с резным петушком на крыше, соседствующий с новой песочницей.

Теремок, который поставили здесь еще во времена молодости моих родителей, хотели снести, когда обновляли площадку, но весь дом ока-



зался против. Теперь чуть обветшалый, но сказочный терем соседствует с ярким козырьком песочницы. И это — будто воплощенное столкновение времен.

Знаю, что другая такая же площадка вряд ли может существовать, но все равно вглядываюсь в каждый пиксель кадра. Увеличиваю картинку, чтобы разглядеть лавочки и надписи на их спинках. Нет, тут точно без вариантов!

— Как такое возможно? — Я сажусь на кровати и обнимаю подушку, чтобы отгородиться от странной новости и безумного совпадения. — Еще скажи, что это *он*... Я тогда... Тогда я...

— Это он, — без тени веселья выдыхает Мари и снова показывает мне экран с шапкой профиля. — Богдан.

Жмурюсь. Не хочу смотреть! Не могу!

...Но интерес побеждает, и вот я уже читаю имя, которое два года назад зареклась выкинуть из своей жизни, и смотрю фотографии парня, с которым раньше мы были неразлейвода.

— Отпишись от него! — умоляю я. Сердце бешено стучит о ребра и ускоряется все сильнее, когда не вижу поддержки подруги.

Она не спешит кидать Богдана в черный список или хотя бы отписываться от него. Листает фотки, изучает посты, даже не замечая, как меня начинает потряхивать.

— Ну, это сто процентов он, — выносит свой вердикт Мари, а я всплескиваю руками.

— Да ладно? А то я не заметила! Говорю же, забудь об этой странице!

Мари меня будто не слышит и выглядит так, словно задумала что-то нехорошее. То, что будет



сулить нам, по ее версии, успех. Но мое скромное мнение таково, что ничего, кроме новых проблем от Богдана, я не получу.

— Никогда не думала, что он пойдет в блогеры, — ухмыляется подруга, заставляя темное предчувствие внутри меня виться клубками.

— Пусть идет куда угодно, — ворчу я и поднимаюсь с кровати, — лишь бы без меня!

Мари с удивлением наблюдает, как я достаю из ее рюкзака начатое шампанское и смело отпиваю с горла. Но стоит сделать даже несколько глотков, моментально жалею о своем дерзком поступке — в голову опять ударяет алкоголь, смешанный с досадой и осколками старой боли.

— Гель, у него неплохая аудитория, — пытается оправдаться Мари. — Он как раз фэнтези читает в основном.

От ее тона становится тошно. Мари говорит со мной как с ребенком, которого уламывают съесть на завтрак кашу, а не гору мармеладок. Будто я чего-то не понимаю! Будто не знаю, что для меня, для книги лучше!

Может, я ничего не понимаю в рекламе и далека от книжного бизнеса, который плотно завязан на блогерах. Зато я знаю Богдана.

Открываю дверь и выхожу на незастекленный балкон. От прилива свежего воздуха голова кружится чуть меньше. Хватаюсь за перила и вглядываюсь в закатное небо, нависшее над серыми панельками и кронами высоких тополей.

Смотрю на медленно ползущие розовые облака и часто моргаю, пытаясь отогнать воспоминания о Богдане. Уже два года прошло, но мне до сих пор больно...



— Может, это ваш шанс помириться? — Мари встает рядом со мной. Не слишком близко, но я все равно ощущаю запах ее пудровых духов.

Мы обе опираемся локтями на перила балкона. Мои ладони сцеплены в жесткий замок, а пальцы Мари теребят длинную темную прядь, соскользнувшую из-за плеча.

— Марин, он меня кинул, — произношу я без эмоций. Я давно смирилась.

Мы молчим. С высоты пятого этажа смотрим, как на детской площадке играет ребятня. Когда-то в том самом деревянном теремке мы познакомились с Богданом. Помню, как мы обрадовались, узнав, что живем в соседних подъездах. Можно ведь гулять хоть каждый день и играть до самого вечера!

Детьми общаться друг с другом было куда легче...

— Может, пора помириться? — Подруга придвигается ко мне всего на один крошечный шаг и с улыбкой заглядывает в глаза. — Это ведь так давно было!

— Предлагаешь помириться с Богданом только из-за того, что он ведет блог? — фыркаю я и качаю головой. — Как мелочно.

— Смотри шире! — Мари делает еще шаг и кладет ладонь на мое опущенное плечо. Она чуть наклоняется, и теперь у меня нет шансов спрятать взгляд. — Вдруг это судьба? Ты почти издающийся автор. Он блогер, который может помочь тебе с книгой. Таких совпадений не бывает! Это знак!

— Знак — это вон, — указываю на металлический восьмиугольник, алеющий у въезда во



двор. — Если следовать твоей логике, он мне красноречиво намекает, что искать помощи Богдана бессмысленно.

— По-моему, все наоборот. С твоей стороны заручиться поддержкой Богдана будет вполне себе...

— Тупо, — завершаю я за подругу и поворачиваюсь к ней всем корпусом. — Он уже подставил меня однажды. Зачем нарываться на новые проблемы?

— Но ты даже не пыталась с ним помириться!

— Я?! — Вспыхиваю, будто букет из бенгальских огней. — Почему я должна делать первый шаг? Он все испортил и даже не пытался что-то исправить!

Мари задумчиво прикусывает губу и отводит взгляд. Но я не останавливаюсь. Эта тема содрала с уже зажившей раны корочку, и та вновь начала кровоточить.

— Мари, у него нет оправданий. Если бы Богдан хотел, он бы мог прийти и извиниться, поговорить. Понимаешь, он не просто знает, где я живу, он мой сосед! — Последние слова я выдыхаю, словно факир — пламя. Правда жжет язык, от нее щиплет глаза.

Ух, а я-то думала, что прожила ситуацию и отпустила ее! Но, оказывается, заноза, оставленная Богданом в сердце, за эту пару лет не растворилась, а обросла гноем.

— Гель, может, он думает, что ты рассказала все родителям? Боится, что они его на порог не пустят?

Горько ухмыляюсь и едва сдерживаюсь, чтобы не засмеяться в голос. Мари умеет включать наи-



вность, когда ей или ее жажде приключений это становится выгодно.

— Ничего я никому, кроме тебя и бабушки, не рассказывала, — выдыхаю я уже тише. Самые злые и болезненные слова сказаны. Дальше будет легче. — Мои родители вообще в нем души не чают. Здороваются, если случайно встречаются на улице, в гости к нам зовут, представляешь? Они думают, что мы перестали общаться, потому что повзрослели и потеряли интерес друг к другу.

— Но ты бы хотела с ним помириться?

Задумываюсь всего на секунду, а затем уверенно качаю головой.

— Ошибаться нестрашно. Страшно не пытаться исправить то, что случайно сломал. Мне не нужны друзья, которые этого не понимают.

Мари понуро кивает и обнимает меня, подружески поглаживая по опущенным плечам. В момент, когда кажется, что она сейчас отпустит меня, подруга вдруг поворачивает голову, и уха касается ее легкое дыхание:

— Что для тебя важнее? Гордость и принципы или удачный литературный дебют?

Внезапный вопрос вытряхивает из головы все мысли. Они разлетаются как пылинки, подхваченные ветром. Мы стоим с Мари так близко, что я знаю — она слышит безумную чечетку, которую отплясывает мое сердце.

— Вот и отлично. — Губы подруги складываются в хитрую улыбку. — Я услышала твой ответ.

Все еще обнимая меня, она вытягивает из заднего кармана шорт мой телефон. Я не успеваю понять, что происходит, а Мари уже прицеливается для броска.



— Нет! — Я подпрыгиваю, чтобы выхватить телефон, но Мари с легкостью опытной баскетболистки обходит мою неумелую защиту.

Смартфон летит точно в цель — влево и вниз, на балкон на четвертом этаже. Несмотря на то, что день только начинает затухать, в окнах комнаты Богдана уже горит свет.

— Теперь других вариантов нет, — победно лыбится Мари, пока я борюсь с желанием швырнуть ее вслед за телефоном. — Тебе придется поговорить с ним. Если, конечно, хочешь вернуть телефон...

А он ведь и правда там. Лежит рядом с передним колесом велосипеда бывшего друга. Смотрю на него, едва не свесившись за перила, и чуть не воюю от досады.

— Идиотский план, — цежу я сквозь зубы и резко поворачиваюсь к Мари. — А если бы ты промахнулась?

— Такое хоть раз на матчах было? Я ни разу мимо корзины мяч не кидала, а тут всего лишь телефон!

— Всего лишь, — передразниваю ее, тяжелым шагом врываясь в комнату.

Воздух здесь кажется удушливым и спертым. Может, всему виной моя взвинченность?

Меряю комнату кругами, нервно массируя виски, пока Мари что-то колдует у компьютера. Даже не спрашиваю, чем она занята. И так уже дров наломала!

— А если он разбился? — не выдерживаю я. — У меня нет денег на новый телефон.

— Я отдам тебе свой, — без промедления и сомнений выдает Мари.



Я даже останавливаюсь от удивления и во все глаза смотрю на подругу. Она это серьезно? Поменять свой дорогой телефон, которому и года нет, на сломанную развалюху, которая едва картинки на разбитом экране прогружает?

— Что? — разводит та руками. — Это честная сделка. Так что пошли скорее к Богдану, пока я не передумала.

— Ты невыносима, — бурчу я и почти бегом бросаюсь в коридор.

— Я тебя тоже люблю, — слышится из-за спины голос Мари, и я больше не могу сдерживать улыбку.



ГЛАВА 3

— Готова?

— Конечно, нет! — шиплю я, но метаться уже поздно.

Мари нажимает на звонок, а я одновременно с этим закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Пытаюсь успокоиться, чтобы сердце забилося ровнее, а ужасный румянец схлынул с лица, но все без толку. Нервы гудят как провода, по которым пустили ток, и меня мелко потряхивает от напряжения.

В последний раз я стояла перед этой дверью пару лет назад и испытывала совсем иные чувства...

Мари берет меня под руку, когда из-за двери слышатся приближающиеся шаги. Шумно выдыхаю и использую последние секунды форы, чтобы хотя бы попытаться изобразить спокойствие и вежливую улыбку.

— Все будет хорошо, — шепчет Мари, и в нос отчетливо ударяет слабый запах сладкого шампанского.

Дверь распаивается. Мое сердце уходит в пятки, но поддельная улыбка крепко пристает к губам, будто ее высекли ножом на застывающей глине.



— Ангелина! Как давно ты к нам не заходила, дорогая!

На несколько секунд, которые провожу в аккуратных объятиях тети Светы, мамы Богдана, улыбка становится искренней. Сердце чуть сбавляет сумасшедший ритм, и я приобнимаю Светлану Анатольевну в ответ.

— Здравствуйте! — произносим мы с Мари в один голос. Мой слегка дрожит, но Мари говорит, как и всегда, звонко и четко. Она-то привыкла участвовать в авантюрах.

— Марина, привет, — переводя взгляд на подругу, улыбается тетя Света. Она стягивает с плеча кухонное полотенце и кивком приглашает нас пройти. — Вы к Богдану?

Мы с Мари даже не переглядываемся и в унисон выдаем:

— Он дома?

— В своей комнате, — кивает хозяйка, а спустя секунду ее улыбка вмиг слетает с губ. Женщина настороженно прищуривается и совсем тихо спрашивает: — Он что-то натворил? Вы просто так давно не были у нас, а тут...

— Д-дела были, — с наигранной грустью трагично вздыхаю я.

Мари поддерживает легенду, бодро кивая:

— Экзамены, выпускной, поступление...

— Ах, ну да, — понятно кивает тетя Света, и мне вдруг становится очень совестно.

Богдан поступил как козел, но его мама всегда относилась и ко мне, и к Мари, которая в средней школе тоже начала общаться с Богданом, с теплом и добротой. Страшно представить, сколько мы выпили чая и съели пирожков за



столом Герасимовых за все время, что дружили с Богданом.

— Останетесь на ужин?

С кухни заманчиво пахнет жареной курицей, но задерживаться в этой квартире нет ни желания, ни смелости. Каждая секунда здесь ощущается иначе: будто я нырнула в старую жизнь как в смолу. Здесь все пропитано прошлым, ведь за два года в доме Герасимовых почти ничего не изменилось. Те же бежевые обои, мебель из светлого дерева, мягкий ковер в коридоре, на котором так и хочется поваляться...

— Мы торопимся, — с притворной досадой выдыхает Мари, как бы невзначай почесав висок, до которого почти дотягиваются яркие стрелки.

Тетя Света будто только сейчас замечает броский макияж подруги, и мне кажется, что в ее светлых глазах всего на миг проскальзывает сожаление.

— Тогда идите к Богдану. Он у себя.

Квартира Герасимовых по планировке точно такая же, как и наша, но только зеркально отраженная. Комната Богдана имеет такое же расположение, как и моя. Раньше я часто бывала у него в гостях, и сейчас ноги несут в комнату бывшего друга почти по инерции.

Мне будто снова пятнадцать или шестнадцать, и я впервые влюблена...

Мягкое касание Мари возвращает в реальность. Подруга ободряюще сжимает мою руку, когда мы доходим до двери, со стороны коридора обклеенной яркими постерами. Ничего не изменилось с тех времен. Даже красный круг с кричащим «STOP» на месте.



— Приступаем к начальному этапу? — спрашивает Мари и толкает дверь быстрее, чем я успеваю воскликнуть: «В смысле к *начальному*?»

Первое, что я замечаю, — это стеллажи, которых раньше в комнате не было. Не могу даже сосчитать, сколько их, потому что полочки, битком заставленные книгами, занимают почти всю стену. Пестрые корешки притягивают взор, а потому я не сразу замечаю самого хозяина библиотеки.

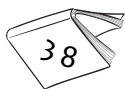
Богдан поворачивается на компьютерном стуле. Едва увидев нас, он сначала удивленно открывает рот и распахивает серые глаза, но быстро берет себя в руки. Натягивает маску невозмутимого спокойствия, которую еще с того дня двухлетней давности терпеть не могу, и с холодной вежливостью спрашивает:

— Геля? Марина? Что вы тут делаете?

Все это время, что мы не общались, с Богданом я почти не пересекалась. Изредка видела его во дворе, стискивала зубы, отводила взгляд и проходила мимо. Мы не то что не разговаривали. Даже не здоровались.

Однако в редкие бессонные ночи, когда в тысячный раз думать о рукописи уже не было сил, я представляла, что случится, если мы с Богданом будем вынуждены заговорить. В моем воображении он расплылся, извиняясь, а я — Снежная Королева — даже бровью не веда. Но то лишь высокомерные мечты.

На самом деле мне всегда казалось, что куда правдивее будет представлять, что я злюсь, повышаю голос и пытаюсь перебить пустые и уже ненужные извинения Богдана.



Выходит, что и такой вариант был лишь плодом бурной фантазии. Ведь на деле мне вдруг становится ужасно некомфортно.

Голос Богдана воскрешает в памяти слова, сказанные им в тот злосчастный летний вечер. Слова, которые разбили не только мое сердце, но и раскрошили в пыль годы дружбы.

«Она мне никто».

Воспоминания встают поперек горла горьким комом, который постепенно опускается под ребра, разрастаясь до огромного металлического шара. Он давит на легкие, мешает дышать, даже сердце сжимает внутренней болью.

Не могу сказать ни слова, хотя Богдан смотрит прямо на меня. Он поднимается с кресла и, так и не дождавшись от нас ответа, шагает в центр комнаты.

Зря мы пришли. Я раскисла перед лицом прошлого и даже слова выдать не могу. А Мари хочет, чтобы мы союзниками стали? С ним?!

Всматриваюсь в сухой гранит глаз Богдана. Нет в его взгляде ни бывшего тепла, ни тени вины. Только суровый холод осеннего неба.

— И тебе привет! Офигеть у тебя тут перестановка! — звонко произносит Мари и показательно осматривает комнату. Будто случайно, она задевает меня плечом, и я понимаю намек.

Хватит пялиться на Богдана! Нужно подыгрывать.

— Здоров. — Я приветственно вскидываю ладонь и на несколько шагов продвигаюсь к балкону. — Мы тут по делу.

Мари мне намек дала. Пусть и мой поймет! Пора свершить задуманное и сваливать. Тем бо-



лее ловить здесь нечего. Ждать помощи от глыбы льда, в которую Богдан превратился, бессмысленно.

— Что за дело? — хмурит светлые брови он и настороженно косится то на меня, то на Мари.

Подругу общее напряжение несколько не касается. Она без стеснения изучает книжные полки, переключает режим кольцевой лампы... Будто находится в гостях у хорошего друга. Мне бы ее беззаботность!

Богдан выразительно кашляет и скреживает руки на груди. От этого меня почему-то прошивает искрой злости. Мало того что тогда это *он* все испортил, так еще и сейчас ведет себя как последний...

— Эй, Богдан, ты чего такой бука? — Обворожительная улыбка Мари — как козырь в рукаве. Однако на Герасимове он не срабатывает. Богдан все еще куксится так, будто выпил ведро лимонного сока. — Расслабься! Деньги просить не будем.

— К тому же вряд ли с такой библиотекой они у тебя остались, — роняю я тихо, но и Мари, и Богдан меня слышат.

Подруга коротко прыскает, а Богдан недовольно щелкает языком. М-да, разговор с ним совсем не клеится.

— Ближе к делу. Не хочу, чтобы у мамы вопросы возникли.

— Она нас на ужин пригласила, все нормально, — блеснув наманикюрными ноготками, отмахивается Мари.

И без того бледный Богдан белеет еще сильнее. Мне даже жаль его становится. Неужели переживает, что буду жаловаться тете Свете на старые обиды?



— Не волнуйся, мы опаздываем, — успокаивает Мари и легкой походкой направляется к балкону. — Мы просто пришли кое-что забрать.

Богдан было кидается за ней, но Мари исчезает за шторкой и выходит на балкон, а Герасимов замирает напротив меня. Смотрит так, будто я нерушимая стена, которую невозможно ни обойти, ни покорить. Даже смешно, как он меня сторонится и боится!

Растерянно запроляю светлую прядь за ухо, коротко смотрю на уронившего взор Богдана и раздраженно отворачиваюсь.

Слабак.

— Нашла! — радостно провозглашает Мари и заносит мой телефон в комнату, подняв его над головой, точно Рафики — Симбу. Только торжественной музыки не хватает.

— Это что? Телефон? — Брови Богдана ползут на лоб. — Как он там оказался?

— Упал. — Я пожимаю плечами.

— Случайно, — подхватывает Мари, а затем берет меня под руку и незаметно тянет к выходу.

Меня окутывает чувство облегчения напополам с недоумением. И все? Уже уходим? А как же план? Попытки переманить на нашу сторону перспективного книжного блогера?

Но хватка Мари становится жестче, и я понимаю — медлить нельзя.

— Не разбился?! — выпаливаю я удивленно, когда смартфон возвращается в родные руки. Все работает, и даже трещинок новых не прибавилось.

— Ага, прикинь? Но проверить получше все равно надо. Пойдем, я знаю одну программу...



— Эй! — кричит нам вслед Богдан, когда мы уже подходим к входной двери. — Вы уже уходите?

— Не благодари! — машет на прощание Мари.

С кухни доносится шум телевизора и включенной воды. Значит, мама Богдана этого точно не услышала.

Дверь за нашими спинами со щелчком захлопывается, и мы бегом пускаемся по лестнице. Мне хочется одновременно смеяться и орать в голос от нашей выходки и злости на Богдана.

Перескакиваем через ступеньки и быстро оказываемся на первом этаже, а затем ракетами вылетаем во двор. Не спешим возвращаться ко мне домой, а занимаем лавочку у подъезда, чтобы отдышаться.

— Зря стаскались. — Я качаю головой, глядя на запыхавшуюся и порозовевшую Мари. — Говорить с ним не о чем. И просить — тоже.

— О, Геля, — почти злодейски тянет подруга, — ты же писатель! Должна быть умнее, изобретательнее! Нельзя Богдану просто в лоб говорить!

— Ты ведь не только телефон забрать успела, да? — догадываюсь я, а в груди становится так жарко, будто под ребрами сейчас взорвется вулкан.

Губ Мари касается та самая улыбка, которую невозможно подделать. В ней искрят триумф и предвкушение.

— Какая досада, — без толики сожаления вздыхает подруга, — кажется, мы забыли у Богдана флешку с твоей рукописью!



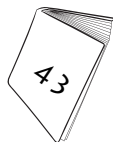
ГЛАВА 4

В моей жизни наступает тактическое затишье. Именно так Мари назвала этап нашего плана, по которому необходимо дать Богдану время найти флешку, прочитать мою рукопись и свыкнуться с мыслью, что его бывшая подруга — молодой писатель. А дальше, если верить подруге, все пойдет как по маслу. Нужно только дождаться, когда Богдан сам приползет ко мне с извинениями и предложением помочь.

Мари в своей стратегии уверена на все сто. А вот я особых надежд с таким планом не питаю... Что странно, если вспомнить, кто из нас пишет романтические сказки.

Но в чудо слабо верится даже тогда, когда на почте замечаю новое письмо от издательства. Около недели назад я ответила редактору, что планирую рассылать книгу блогерам для рекламы, и «Знаку» такое решение понравилось. Они составили договор, а теперь мне осталось лишь поставить свою подпись в нескольких местах.

Распечатываю бумаги и зачарованно смотрю на свое имя, рядом с которым в скобках — псевдоним. Лина Ринг. Новое имя — новая жизнь.



Прикусываю губу и взглядом впиваюсь в короткое и звучное сочетание букв. Неужели это имя совсем скоро будет смотреть на читателей с обложек книг?

Беспокойство не дает усидеть на месте. Откладываю неподписанные бумаги и беру с полочки фотоальбом, старенький и потрепанный. Некоторые странички настолько часто перелистывали, что они едва держатся.

Мы давно не распечатываем фотографии и не заводим новых альбомов. Но каждый раз, когда беру в руки этот, будто возвращаюсь в беззаботное и светлое детство. Ведь кое-кто очень важный для меня отныне живет лишь в этих старых фотографиях.

Бабушка была для меня самым близким человеком. Она присматривала за мной, пока родители пропадали на работе. Всегда была на моей стороне, даже если я знала, что в чем-то провинилась. Она никогда не повышала голос. Даже когда я в детстве случайно перевернула аквариум, убив десятки рыбок и испортив ковер, бабушка лишь вздохнула: «Ой-ой-ой. Неси ведро и тряпки. Будем убирать».

Я до сих пор не знаю человека, который был бы добрее, чем она. Никого, на кого хотелось бы равняться так же, как на нее. Порой мне казалось, что бабушка не способна испытывать ни гнев, ни злость. Она просто не знает, каково это, — светлый человек, чье тепло заразительно.

Бабушка сочиняла для меня сказки, которые часто рассказывала на ночь. Главную героиню, сбежавшую принцессу, звали Александра. Она выросла вместе со мной, и ее проблемы тоже ме-



нялись. Каждый раз, когда мне нужен был совет, бабушка превращала мою жизнь в новое путешествие Александры.

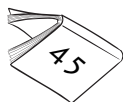
Сказки никогда не давали четкого ответа, но они говорили со мной, а я всегда слушала.

Последней сказкой, которую бабушка успела рассказать, была история о бале, на который юную Александру позвал принц Борислав. Принц опозорил Александру, высмеяв ее чувства перед подданными нескольких королевств. Александра, гонимая стыдом, сбежала и заблудилась в лесу. Там ее нашел таинственный незнакомец, который оказался колдуном. Он предложил проводить Александру обратно во дворец или к Бориславу, но принцесса не хотела жить так, как раньше. Она мечтала стать сильнее, чтобы вернуть уважение королевств и стать независимой от Борислава. Тогда колдун отвел Александру в школу магии.

Что было дальше, от бабушки я так и не узнала. Уехала в деревню вместе с Мари, а когда вернулась, бабушки уже не стало. Ее сердце сдалось в возрасте восьмидесяти двух лет.

Сначала я ненавидела родителей за то, что они не позвонили, не сказали, что случилось. Я бы вернулась в город, я бы простилась с ней у гроба, бросила горстку земли в могилу... Но уже потом, стоя напротив могильного камня, с которого мне улыбалась живая и здоровая, моя любимая бабушка, поняла — так будет лучше.

Так я буду помнить ее живой и улыбчивой, с добрыми сияющими глазами, внутри которых живет само солнце. Так в моей памяти она навсегда останется живой.



А я сделаю все, чтобы жили и ее истории.

— Ее издадут, представляешь? — Проведя подушечкой большого пальца по краю фотографии, где бабушка держит меня, еще малышку, на руках, я сквозь слезы улыбаюсь. — Нашу историю об Александре напечатают на бумаге!

Фотография не отвечает. Бабушка улыбается все так же искренне, так же счастливо.

Глотаю рыдания и вскидываю голову, чтобы сдержать слезы. Но они все равно катятся по щекам и шее, и я хнычу, поддавшись жалости к себе.

Эта книга — единственное, что не дало мне задохнуться от тоски, когда бабушки не стало. Когда я писала, когда вспоминала все наши посиделки, в которые вместе вели Александру сквозь приключения, мне казалось, что бабушка еще жива.

Она живет в моей рукописи. Она — приоткрытая дверь, сквозь которую до сих пор я могу общаться с бабулей, просить совета и каждый раз находить его в своих же строках.

Наших строках.

И как я могла даже думать о том, чтобы отказаться от издания? Как могла напугаться всего одного слова — «продвижение»?

Творчество для меня — больше, чем просто хобби. Издание — не способ потешить самолюбие, не игра в популярность.

Это память и мое «спасибо», которое так и не успела сказать.

Утерев слезы, кладу альбом на место. Ставлю свои подписи в договорах, даже не обратив внимания, что название в бумагах значит то же —



«Магический дебют». Я совсем забыла придумать новое, а теперь слишком взбудоражена, слишком воодушевлена, чтобы что-то менять.

Делаю сканы бумаг и сразу же отправляю редактору. Оригиналы закидываю в рюкзак, быстро натягиваю легкое летнее платье и тороплюсь на почту.

Теперь все точно по-настоящему. И я больше не испугаюсь. Не отступлю.

* * *

— Ты молодец. — Мари встречает меня, почти с разбегу заключая в объятия. — И правильно! Подписанный договор точно нужно отметить!

— Тебе лишь бы повод найти. — Я корчу рожицу и показываю подруге язык.

— Неправда. Мне и искать не нужно. Каждый новый день — уже повод для радости и праздника!

Она берет меня под руку, и мы, шагая в ногу, направляемся вдоль проспекта. Солнце уже клонит к горизонту, у входов в кафешки и магазины загораются уютные огоньки гирлянд. Возле ресторанчиков из колонок льется музыка. Люди, сидя за столиками, тихо переговариваются, улыбаются, смеются...

Разгар лета. И мое сердце полнится надеждой — впереди столько возможностей! Постараюсь каждую поймать за хвост!

— Китайская кухня или сладости? — спрашивает Мари, когда мы останавливаемся между двумя соседствующими заведениями. — Ты у нас вино-вница торжества, тебе и выбирать.



В ресторане азиатской кухни окна от пола до потолка, а за ними — матовая темнота. Ничего не видно, кроме нашего с Мари отражения. Она в обтягивающем розовом платье со шнуровкой на бедрах, я — в воздушном нежно-голубом, с рукавами-фонариками. И наши копии в этом зеркальном окне выглядят как-то одиноко и печально.

Зато у кофейни жизнь бьет ключом! Сквозь подсвеченные гирляндой окна виднеются нарисованные на меловой доске сладости и выведенное от руки меню, витрины с пирожными и столики, на каждом из которых — вазочка с декоративными цветами из дерева. Внутри немногочленно, уютно, и многие столики как раз свободны.

— Сладости! — Я хватаю подругу за руку и тяну в сторону «Чао-какао».

— Не слишком дорого и вкусно. Хороший выбор!

Запах кофе и горячего шоколада окутывает, как мягкий плед. Вдыхаю полной грудью, а глаза уже разбегаются. Витрины подсвечены так, что каждый кусочек торта кажется произведением искусства.

— Ты уже была здесь? — Я смотрю на аппетитный медовик, едва сдерживаясь, чтобы не облизнуть губы. Ну уж нет! Я так старалась, чтобы красиво накраситься сегодня!

— Пару раз, — нехотя признается Мари, и по ее интонации понимаю, что правда звучит как «пару десятков раз».

— Что посоветуешь?

— Сложный вопрос. — Мари с видом знатока постукивает пальчиком по острому подбородку и задумчиво проходит вдоль витрины.

